

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Сов. артист, - 1988. - 13 апр

О НЕСУЩЕСТВУЮЩЕМ МУЗЕЕ

шими о музыкальных новостях, направлениях, технике музыкальных произведений».

Добравшись до академии, я убедился, что квартира и лаборатория находятся на своих местах, но, к моему величайшему удивлению, никакого музея в здании нынешней Военно-медицинской академии не оказалось. Поэтому, войдя в это научное учреждение, я сразу же представился его сотрудникам как студент Московской консерватории и кратко объяснил им цель своего визита. Два сотрудника кафедры биохимии, внимательно выслушав меня, сказали в ответ, что «иногда к ним заходят те, кто интересуется Бородиным». Отложив свои дела, они показали мне все комнаты, которые были связаны с научной и художественной деятельностью гениального ученого и композитора. Эти сотрудники кафедры биохимии заверили меня в том, что к лампаты и наследию Бородина относятся очень бережно. Они рассказали мне, что в настоящее время им приходится заниматься научными исследованиями в небольшом рабочем кабинете Александра Порфирьевича и даже пользоваться двумя его настенными шкафчиками из красного дерева, так как, по их словам, наша отечественная химическая промышленность не выпускает

мебель для научной работы такого высокого качества, какой располагал Бородин.

Закончив осмотр кабинета, мы прошли в одно из лабораторных помещений, в котором до сих пор сохранилась мебель Бородина, т. е. большие встроенные в стену шкафы и еще какая-то «научная» мебель, выписанная в свое время Бородиным из-за границы, которой сотрудники академии также продолжают бережно пользоваться и даже «не разрешают своим студентам вставать на нее с ногами». В том случае, если слушатели академии все-таки нарушают этот запрет, то их за это «гоняют». Так, например, последний раз кого-то за это строго «гоняли» за несколько дней до моего прихода. В этой лаборатории Бородин «работал со студентами целые дни напролет», и «все работавшие там были приняты в его семью, как самые близкие родственники». (Одним из учеников Бородина по химии был А. Ф. Фортунатов, приходящийся дедом замечательному педагогу Московской консерватории, профессору кафедры оркестровки Ю. А. Фортунатову).

В других лабораторных помещениях мне довелось увидеть химические соединения, заключенные в различных пробирках, к которым «прикасалась рука Бородина», коллекцию минералов, колбы, две полки со старыми книгами по химии на иностранных языках. Вначале мне было почему-то трудно поверить, что это именно те соединения, к которым прикасалась рука Александра Порфирьевича, и именно та мебель, которой он пользовался, но меня в этом убедительно уверяли. Вот почему все увиденное сразу же представлялось мне превосходным собранием потенциальных экспонатов для будущего музея.

После того, как осмотр всех лабораторных помещений был завершен, мне порекомендовали обратиться с дальнейшими вопросами о Бородине на кафедру физики, заведующий которой считается в академии одним из самых блестящих специалистов по Бородину и «очень любит про него рассказывать всем интересующимся». Я последовал этому совету и в самом деле узнал целый ряд интересных деталей о научной и общественной деятельности Бородина, которые хорошо известны только сотрудникам этого учреждения.

Я узнал, что само здание Медико-хирургической академии строилось под непосредственным присмотром А. П. Бородина. Наблюдение над строительными работами было поручено А. П. Бородину Н. Н. Зининым, который был автором проекта нового здания академии. Этот проект включал в себя и квартиру, которая вначале была предназначена для самого Н. Н. Зинина. Впоследствии, когда у основателя русской школы химии появилась возможность жить в другом месте, то учитель доверил наблюдение над начатым строительством своему любимому ученику и будущему преемнику на кафедре химии. Бородин с радостью взялся за порученное дело, т. к. был весьма заинтересован в квартире, потому что в те времена он был вынужден жить в той квартире, которую для него снимала

мать, в доме № 6 на Симбирской улице (нынешней Красноармейской).

Когда я спросил, почему же в этой специально встроенной в здание академии квартире, в которой А. П. Бородин прожил столько лет, не возник музей, то мне ответили на это, что «не возник потому, что он как-то не возник». Затем стали ссылаться на то, что «и так негде работать, посетители будут мешать», и т. д.

Кроме того, я узнал, что большой бронзовый бюст Н. Н. Зинина, находящийся в здании, был установлен самим А. П. Бородиным. В академии существовала традиция: если умирал главный профессор, то его преемник собирал средства для того, чтобы достойным образом почтить его память. После смерти своего учителя А. П. Бородин собрал такое количество денег и частных пожертвований, которого вполне хватило не только на отливку этого бюста в Париже, но и на учреждение специальной стипендии, дававшей возможность одаренным студентам совершенствоваться за границей.

Что касается двух жилых комнат, то они находятся на первом этаже с левой стороны сразу же от входа в здание. Именно здесь, в здании Медико-хирургической академии, вот в этих двух комнатах и создавались все симфонии, романсы, квартеты, опера «Князь Игорь», симфоническая картина «В Средней Азии», т. е. те произведения, которые невольно рожают чувство гордости за русскую музыку, подарившую мировому искусству шедевры А. П. Бородина.

Тогда же я узнал еще и то, что рояль и кресло А. П. Бородина в настоящее время находятся в Ленинградском музыкально-театральном институте. Там же хранятся и многие из его рукописей. В целом у меня сложилось впечатление, что никто из сотрудников Военно-медицинской академии не имеет ничего против идеи создания музея в квартире А. П. Бородина.

Со времени моего первого посещения этого несуществующего музея прошло два года. Недавно мне вновь удалось побывать в Ленинграде и зайти в Военно-медицинскую академию. За это время здесь ничего или почти ничего не изменилось. Справедливости ради следует, однако, отметить, что находящийся в коридоре стенд, посвященный А. П. Бородину, весьма расширился и стал значительно интереснее. К прошлогоднему юбилею А. П. Бородина была выпущена специальная стенгазета. В многотиражной газете «Военный врач» была опубликована статья профессора К. Н. Зеленина, посвященная А. П. Бородину и озаглавленная «Выдающийся ученый и крупный композитор». За прошедшие два года по поводу А. П. Бородина академию беспокоили только два учреждения: японская телекомпания, приславшая своих представителей из Токио в Ленинград специально для того, чтобы отснять в этих стенах фильм о А. П. Бородине, посвященный его юбилею, и Московская консерватория в моем лице. Две жилых комнаты по-прежнему остаются обжитыми химическими аудиториями. В комнате, где раньше был рояль, стоят различные шкафы,

столы с прикрепленными к ним штативами, стены увешаны химическими таблицами. Над парадным входом в квартиру А. П. Бородина красуется табличка с надписью «Учебный класс». Здесь у курсантов академии проходят лекционные и лабораторные занятия.

В марте этого года я имел обстоятельную беседу с заведующим кафедрой химии профессором К. Н. Зелениным по всем интересующим меня вопросам, связанным с идеей создания музея в квартире А. П. Бородина. Нынешний наместник А. П. Бородина на кафедре химии объяснил мне, что не имеет ничего против идеи создания такого музея в том случае, если взамен площади, необходимой для его возникновения, ему будет предоставлена для работы другая.

Вопрос о создании музея А. П. Бородина мы ставим довольно поздно, но все-таки лучше поздно, чем никогда. В том, что лаборатория ученого продолжает функционировать по сей день, а длинные и высокие коридоры здания, как и во время В. В. Стасова и Н. А. Римского-Корсакова, насквозь пропитаны специфическим запахом химических соединений, можно увидеть положительный момент преемственности в развитии научной мысли. Но как же быть с квартирой А. П. Бородина, которая всегда была неотделима от его лаборатории, и в которой по одну сторону коридора создавались музыкальные произведения, а по другую — такие научные труды, как: «О действии йодистого этила на гидро-бензамид и амарин и о конституции этих соединений», «О фтористом бензоле и других производных фтора», «Исследование действия натрия на альдегид», «О нитроазомарине» и т. д.? Как же быть с памятью о А. П. Бородине? Памятью благодарных потомков, для которых с годами естественно все большее желание своими глазами увидеть все уцелевшие реликвии деятельности великого человека, оставившего такой огромный след в русской науке и культуре?

Ответ может быть только один: необходимо сделать все возможное для создания музея А. П. Бородина и собрания воедино абсолютно всех уцелевших вещей, связанных с его многосторонней деятельностью. В этом музыканты и ученые-химики могут увидеть одно из проявлений своего долга перед достижениями отечественной культуры. Сама постановка столь важного для нашей культуры вопроса как нельзя более отвечает духу нашего времени, духу перестройки, революционного обновления нашего общества. В настоящее время в Московской консерватории весьма успешно проходит сбор подписей в целях создания музея-квартиры А. П. Бородина в Ленинграде. Московские музыканты призывают своих ленинградских коллег присоединиться к этой замечательной культурной инициативе.

Музей-квартира А. П. Бородина составит одну из особенно привлекательных примет города Ленинграда, так ярко запечатлевшего в себе разносторонние проявления русской культуры. Тем более интересной и почетной будет организация музея в здании Медико-хирургической академии, т. к. это будет связано с конкретными представлениями о месте, условиях работы и жизни одного из гениальнейших русских людей.

В. СТАДНИЧЕНКО,
студент 3-го курса теоретико-композиторского факультета Московской консерватории,
Москва — Ленинград.